

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 4 (24). С. 158–168.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2025. Issue 4 (24). P. 158–168.

Научная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-158-168>

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ <ПРОСТРАНСТВО – ОБЪЕКТ> В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

**Надежда Михайловна
Вишнякова**

Волгоградский государственный университет
Волгоград, Россия, nadinvishnyakova@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0003-3408-0395>

Аннотация. Исследуются функции и специфика применения метафорической модели <пространство – объект> в современной русской поэзии. Материалом для анализа послужили опубликованные в литературных журналах поэтические произведения авторов, жизнь и / или творчество которых связаны с регионами Южного, Сибирского федеральных округов, новыми регионами России. Актуальность работы обусловлена необходимостью выявления способов метафорической презентации пространства посредством предметного и растительного кодов, что является значимым для понимания русской языковой картины мира и ее отражения в художественном тексте. В центре внимания находится перенос признаков двух конкретных сфер – места и потенциально локализуемого объекта. На основе исследовательской базы (324 иносказательные единицы, изъятые из контекстов современных русских поэтических произведений 2020–2025 гг.) выделены и охарактеризованы основные приемы для конструирования метафор по данной модели: артефактные (инструментализация, гастрономизация, текстилизация), натурфактные (вегетатизация) и гибридные (лапидаризация и металлизация). Установлено, что в процессе метафоризации часто происходит актуализация различных материальных признаков (форма, цвет, изменение состояния, функция), которые позволяют авторам выражать в том числе и непространственные идеи посредством культурных / ментальных кодов и субъективных ассоциаций, заложенных в таких конструкциях. Выявлено, что такого типа выражения создаются с целью достижения визуальной образности, акцентуации пространственно-временных изменений и усиления символического потенциала, оказания эмоционального воздействия на читателя и вовлечения его в активное соз创чество. Делается вывод об умеренной продуктивности модели и о ее роли в расширении интерпретационных возможностей художественного текста.

Ключевые слова: русская языковая картина мира, метафора, пространственная метафора, метафорическая модель, артефактная метафора, натурфактная метафора.

Для цитирования: Вишнякова Н. М. Метафорическая модель <пространство – объект> в современном русском поэтическом тексте // Тульский научный вестник. Серия История. Языкоzнание. 2025. Вып. 4 (24). С. 158–168. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-158-168>

Сведения об авторе: Н. М. Вишнякова – аспирант кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, 400062, Россия, Волгоградская область, г. Волгоград, проспект Университетский, д. 100.

© Вишнякова Н. М., 2025

Scientific Article

UDC 811.161.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-158-168>

THE <SPACE – OBJECT> METAPHORICAL MODEL IN MODERN RUSSIAN POETIC TEXTS

Volgograd State University

Nadezhda M. Vishnyakova

Volgograd, Russia, nadinvishnyakova@yandex.ru

<https://orcid.org/0009-0003-3408-0395>

Abstract. This study examines the functions and specific applications of the metaphorical model <space – object> in contemporary Russian poetry. The analysis was based on the poetic works published in literary journals by authors whose lives and/or works are associated with the regions of the Southern, Siberian Federal districts, and the new regions of Russia. The relevance of this work is determined by the need to identify methods for the metaphorical representation of space through object and plant-based codes, what is significant for understanding the Russian linguistic world picture and its reflection in the literary text. The focus is on the transfer of attributes between two specific domains – one of location and one of a potentially localizable object. Based on the research corpus (324 figurative units extracted from contexts in modern Russian poetic works of 2020–2025), the primary techniques for constructing metaphors according to this model have been identified and characterized: artifact-related (instrumentalization, gastronomization, textilization), nature-fact-related (vegetatization), and hybrid (lapidarization and metalization). The study establishes that the process of metaphorization often involves the actualization of various material attributes (form, color, change of state, function), which enable authors to express non-spatial ideas as well, through cultural/mental codes and subjective associations embedded in such constructions. It is revealed that such expressions are created to achieve visual imagery, accentuate spatio-temporal changes, and provide symbolic potential, have an emotional impact on the reader and involve him in active co-creation. The conclusion is drawn about the moderate productivity of this model and its role in expanding the interpretive possibilities of a literary text.

Keywords: russian linguistic picture of the world, metaphor, spatial metaphor, metaphorical model, artifact metaphor, nature-based metaphor.

For citation: Vishnyakova, NM 2025, 'The <space – object> metaphorical model in modern Russian poetic texts', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (24), pp. 158–168, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-4-158-168> (in Russ.)

Information about the Author: Nadezhda M. Vishnyakova – Postgraduate Student of the Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, 100, Prosp. Universitetsky, Volgograd, 400062, Russia.

Введение

Когнитивно-дискурсивный анализ метафорической модели <пространство – объект> дает возможность выявить системные закономерности репрезентации онтологических концептов с помощью признаков материальных объектов.

Ряд исследователей на различном материале анализировали переносы признаков объектов действительности (вещей, растений, материалов и т. д.) на другие области (государственная система, человек, технологии). А. П. Чудинов в рамках разграничения по сферам – источникам такого типа выделяет фитоморфные и артефактные метафоры. Ученый сосредоточивается на концептах «дом» и «механизм», составляющих артефактные метафоры [14, с. 154], вне его исследовательского внимания остаются понятийные сферы «одежда», «инструменты», «компьютерная техника» и т. д. В нашем исследовании точкой отсчета для разграничения пространственных зон и объектов, а также отнесения их к той или иной категории принимается локализация человека. Так, по нашему мнению, дом будет иметь отношение не к артефактам, а к зонам, поскольку субъект имеет возможность находиться в пределах данного сооружения и передвигаться по нему. В свою очередь, А. Н. Баранов по сигнifikативным дескрипторам (= областям источников) выделяет метафорические модели механизма, флоры и объекта-предмета [3]. Л. В. Балашова отдельно рассматривает принципы метафорической номинации в рамках предметной лексики [2, с. 70–76].

Артефактные / предметные / вещественные метафоры, как правило, изучаются в контексте антропоморфных сближений (см., например: [6; 10; 13; и др.]). Наряду с этим могут затрагиваться вопросы сложности осмысления процесса конструирования выражений такого типа в рамках предметного пространства, когда происходит соединение метафоры и метонимии [8, с. 572; 16].

Материалом исследования послужили содержащие метафоры модели <пространство – объект> контексты, извлеченные из современных поэтических текстов авторов, местом рождения / проживания и публикации работ которых являются территории ЮФО, СФО или новых регионов РФ (журналы «День и ночь», «Отчий край», «Бийский вестник», «Южный маяк», «Сибирские огни», «Белая скала» «Азъ-Арт», «Вещь», «Российский колокол» и др.).

Цель работы – изучение функций и специфики применения метафорической модели <пространство – объект> в современной русской поэзии. Для ее реализации были решены следующие задачи: определить способы метафорической репрезентации пространства посредством предметного и растительного кодов; вычленить и описать основные приемы для конструирования метафор по анализируемой модели: артефактные (инструментализация, гастрономизация, текстилизация), натуралистичные (вегетатизация) и гибридные (лапидаризация и металлизация); установить мотивы, которыми руководствуются авторы при создании таких метафор; выявить потенциал модели в современной русской поэзии.

Исследование было проведено в соответствии с принципами когнитивной лингвистики. В работе применяются семантический и контекстуальный анализ языкового материала, а также моделирование метафорических преобразований для выявления механизмов взаимодействия концептуальных сфер «пространство» и «объект».

Новизна работы заключается в том, что рассматриваются две конкретные грамматически неодушевленные области цели и источника иносказательного выражения, в то время как предметный метафорический код, как правило, изучается в аспекте его переноса на абстрактные или антропоморфные понятийные сферы (например, корень зла, мировоззренческий стержень, шелковое сердце). В статье

предлагается системный взгляд на метафорическую модель <пространство – объект> с вычленением ее подвидов, функций и особенностей применения.

Результаты и обсуждение

В рамках нашего исследования представляется целесообразным деление метафор по области источника – объекту / предмету – на артефактные (гастрономия, текстиль, инструменты и приборы), натурфактные (растения и их части) и гибридные (лапидаризация и металлизация).

Процесс уподобления пространственных зон объектам в целом примечателен тем, что конкретный предмет, признаки которого накладываются на пространство, не всегда очевиден. Нередко присваиваемое свойство может характеризовать ряд из объектов. Например, в контексте *Небо набухает облаками* (Коломейцева А. Гроза на даче // Отчий край. 2021. № 4) воздушное уподобляется некоему предмету, способному увеличиваться в объеме, что, в свою очередь, служит созданию образа тяжести и наполненности водой. При этом с точки зрения сочетаемости с глаголом *набухать* могут вступать в синтаксические связи: наименования (или производные от них) природных объектов и органических веществ (почки деревьев, зерна, плоды), частей тела и биологических тканей (раны, вены, живот), пищевых продуктов и материалов (крупы, дрожжевое тесто, сухофрукты). Метафора же использует предельно обобщенное значение языковой единицы (увеличение в размере) с коннотацией близости к изменению ситуации и установкой автора на передачу преддождевого состояния природы.

Присваиваемые признаки неконкретизированных предметов действительности, как правило, подчеркивают пространственно-временные изменения: *Солнце оплавилось / и растворилось / в сонной воде...* (Колесникова Г. Д. *** // Бийский вестник. 2024. № 2) – важен не определенный металлический сплав, а отражение закатного солнца в движущейся воде; *Упавшее за сопку солнышко / Опять достану, без обмана* (Еремин Н. *** // День и ночь. 2023. № 2) – имеет значение не падение как таковое легкого / тяжелого предмета, а актуализация смены времени суток; *Под расколотым небом ужаса* (К. Денисенко «Оживай, возрождайся, вспыхивай» // Крылья. 2024. № 19) – нет акцента на твердом деформированном предмете, констатируется изменение в воздушной сфере с негативной коннотацией; и т. д. Как мы видим, пространство в таких метафорах выражено более явно, чем предмет, признак которого эксплуатируется автором для создания тропа.

Это связано с тем, что при неопределенной артефактизации автор оперирует не только визуально-параметрическим сходством, сколько акциональным – изменением пространства, выраженным глаголами, характеризующими действия или состояния,ственные предметам, при этом сами предметы не называются: *расколоть, набрякнуть, оплавиться, треснуть, раскиснуть* и т. д.

Посредством конструирования таких языковых сочетаний автор достигает одновременно нескольких целей:

- расширения интерпретационных возможностей (*земля набухла...* как тесто? как губка? как большое место на теле?);
- акцента на состоянии (важен сам факт изменения);
- обеспечения символического потенциала (неопределенность позволяет признаку стать универсальным знаком для описания абстрактных явлений наряду с пространственными).

Таким образом, в процессе метафоризации указанного типа предметные признаки присваиваются пространственными объектами точечно. Вместе с тем и без детализации этого достаточно для достижения образности.

Далее перейдем к характеристике конкретных случаев овеществления пространства.

Наиболее часто используемым приемом является **инструментализация**. Под этим термином в контексте нашего исследования подразумевается процесс метафорического преобразования пространственного объекта в инструмент, прибор и / или предмет быта.

Построение высказывания происходит, как правило, путем сравнения (связь выразителей областей источника и цели союзами *как, будто, словно*) или прямого отождествления пространственной цели и инструмента-источника. Так, для данного варианта метафорической модели характерно использование конкретных номинаций двух понятийных сфер, входящих в состав конструкции. Контекст может усиливать пространственно-предметное сходство, например: *Луна горела медленно, как круглая свеча* (Кафтанов А. Ювелир // Южный маяк. 2022. № 6). Глагол горела здесь обеспечивает общность функции – освещение, наречие *медленно* – характера процесса, а эпитет *круглая* – визуально-параметрическую – по форме.

Областью источника при инструментализации может стать любой созданный руками человека для реализации определенных целей предмет, поэтому используется бытовая и техническая лексика. Несмотря на функциональную репрезентативность данных артефактов, авторы при инициации такого типа уподоблений чаще прибегают к актуализации сходства по форме и цвету. Так, планеты, солнце и луна нередко ассоциируются с круглыми предметами (*диск, монета, перстень, грош, медаль, пуговица, мандолина, юла, пятак* и др.), реки – с длинными (*плеть, сабля, нож* и др.). Активность таких тождеств объясняется тем, что они упрощают восприятие. Функциональное подобие так же конкретно, узнаваемо и при этом разнообразно. Небесные тела нередко описываются в терминах приборов освещения с целью ориентационного приближения к человеку (*выключить солнце, солнечная люстра, солнце – прожектор, луна – ночник, звезды – свечи* и т. д.), водные объекты – как предметы с отражающими свойствами (*море – зеркало, зерцало залива, свинцовое зеркало пруда* и др.), жилища – как менее габаритные вместилища для актуализации тесноты помещения (*квартиры – короба; живу я, как в чемодане*), пространственные объекты любой из зон – как источник знаний (*степь – зеленая книга, ли-стать небосвод, моря синий фолиант*).

Не поддающиеся типизации индивидуально-авторские сближения выстраиваются путем комбинации образов, где сходство очевидно, но требует от реципиента дополнительных усилий – мысленного воссоздания и соединения двух сопоставляемых ситуаций в их полноте, например: *Смотришь, как на востоке спичечный луч рассвета / чиркает о сырье коробки крыши* (Амади. *** // Южный маяк. 2022. № 3). Метафора конструируется на сцеплении сразу трех моделей <жилище – спичечный коробок>, <солнечный луч – спичка>, <испарения – дым>. Между тем с точки зрения отношения высказывания к действительности происходит только констатация солнечного воздействия на крышу после дождя.

Анализ материала позволяет прийти к выводу, что наибольшим метафорическим потенциалом обладают инструменты и приборы, которые имеют яркие визуальные характеристики, обладают четкой функциональностью, связаны с повседневным опытом.

Область источника, представленная растениями или их частями, может называться исследователями фитоморфным или вегетативным кодом. В частности, О. М. Холомеенко и А. И. Туник, на материале современной художественной литературы изучая метафоры корней, ветвей, цветов и плодов, злаков и травы, приходят к выводу, что ассоциативные связи при создании таких конструкций у разных авторов сходны [12]. Кроме того, в некоторых случаях такие метафоры прямо классифицируются как флористические [4] или вегетативные [11, с. 338–346]. **Вегетатизацию** мы определяем как процесс метафорического переноса, при котором

пространственный объект (небесное тело, сооружение и т. д.) уподобляется растению или его части. Посредством этого возможно акцентирование конкретных свойств локации – динамики (*дома прорастают*), формы и цвета (*луна – долька апельсина, небо – голубика*), количества (*звезды – гроздь цветов*), функции (*солнце жглось, как лук*).

Конструирование метафор может происходить на основе прямого тождества или наделения пространства атрибутом или действием, присущим растительным организмам. Контекст нередко усиливает и дополняет сходства: *Вы не видели, как в грохоте взрыва / Небо лопается темным арбузом* (Артюхович Ю. *** // Отчий край. 2020. № 1); *Месяц в небе застыл, с края будто оплавлен,* / Чем-то очень похож на *гнилой апельсин* (Воробьева И. Свет далекой звезды // Белая скала. 2025. № 1 (30)).

Для выражений такого типа характерна эксплуатация глагольной лексики роста (*растут, вырастают, прорастают* и др.), атрибутивных терминов жизненного цикла (*спелый, перезревший, гнилой* и др.), прямых наименований растений и их частей (*цветок, поросль, колосок* и др.), в том числе плодов (*яблоки, груши* и др.). Особенно часто встречаются сравнения с фруктами и овощами, имеющими конкретные визуальные признаки формы и цвета, например: *луна – лимонная долька, солнце – инжир* и т. д.

Исключения составляют метафоры с неочевидными сопоставлениями: *Вот тебе тычин-трава, перекати-район* (Мамаенко А. Путь сказочника // Южный маяк. 2021. № 2) – административная единица, проявленная в динамике, как растение, маркирование изменений в пространстве; *По сомнительным кольцам проверь этот мир на спил* (Першина К. *** // Российский колокол. 2024. № 2) – продолжительность существования окружающего мира. В конструкции объединены как минимум три концептуальные сферы: дендрохронология (наука о датировании событий по годичным кольцам деревьев), онтология (фундаментальные принципы бытия) и верификация (процесс подтверждения подлинности данных). Такие случаи демонстрируют сочетаемостный потенциал языковых единиц, входящих в состав вегетативно-пространственных конструкций. Это говорит о гибкости способа метафоризации, при котором слова из разных понятийных сфер приобретают не свойственные им семы, что расширяет смысловые границы каждой из единиц.

Прагматические установки авторов, как правило, в той или иной степени включают поэтическую эстетизацию действительности / намерение создать эффектный образ, особенно в случаях, где целью высказывания является объект небесной сферы. Так, сближениями, например, *луна – распахнутый пион, мелиссоевые облака, спелая звезда*, достигается цель эмоционального воздействия благодаря нестандартному объединению вегетативного земного и пространственного космического языковых кодов.

Иногда путем объединения объектов земного и растительного миров автор выражает абстрактные идеи: мироздания – *Хоть проросло из ёрнышка-Земли...* (Раевский А. Дерево вечности // Бийский вестник. 2020. № 3); возрождения – *Пусть на белой земле распустится / Мир, который в боях померк* (Денисенко К. Мир, который в боях померк // Родная Кубань. 2024. № 4); запускания – *Стены домов деревенских / В горькую землю врастают* (Мамаева Л. *** // Южный маяк. 2021. № 4). Это обеспечивает связь природных процессов с глобальными вопросами о месте планеты во Вселенной, о ее будущем. Важную роль здесь играет и направление роста. В соответствии с архетипично-оценочной оппозицией «верх / низ» в нашем сознании конструируются представления о «хорошем / плохом».

Таким образом, мы можем заключить, что именно небесные тела по форме и цвету часто ассоциируются с плодами: *солнце – тыква, звезды – яблоки, луна –*

апельсин. Помимо этого, ввиду восприятия человеком звезд и планет как мелких элементов в большом пространстве они могут отождествляться с зерновыми и семенами: *звездное пшено, месяц – созревший колосок*. Одновременно с этим актуализируется связь микро- и макрокосма. В свою очередь, у цветов и деревьев нет метафорической привязки к конкретным пространственным объектам. Это объясняется тем, что у первых потенциал – в эстетике и хрупкости (*земля – цветок, грозы цветов из звезд, гамак чайной розы*), а у вторых – в претерпеваемых изменениях в соответствии со степенью устойчивости и противодействия внешним силам: *Как на ветру гулящий вяз, / Зашла сегодня вся Россия* (Максаев А. Старый окоп // Отчий край. 2020. № 1).

Метафоры, в которых к области источника относятся пищевые продукты или готовые блюда, обозначаются как вкусовые, гастрономические или пищевые. Особенно активно изучаются антропоморфные переносы такого типа. Так, А. С. Бойчук устанавливает тесную связь гастрономических номинаций в таких высказываниях с природой человека, культурой и искусством [5, с. 78]. О. В. Авраменко и Е. А. Юрина утверждают репрезентативность образов хлебобулочных изделий для описания внешнего вида человека, когнитивных и эмоциональных особенностей, отношения говорящего к объектам и явлениям [1, с. 12]. Кроме того, в 2015 году был издан «Словарь русской пищевой метафоры», в котором такие метафоры впервые получили комплексное лексикографическое описание [9], принципы и приемы последнего были представлены отдельно [15]. **Гастрономизация** представляет собой процесс метафорического переноса, при котором пространственные объекты приводятся к продуктам питания или готовым блюдам. Реализация такого способа трансматериализации становится возможной посредством визуально-параметрических или онтологических сходств: формы и цвета (*лунный блин, Марс – драже, солнце – каравай*), в том числе как результата временных изменений (*располневшая луна; надкушенная луна*), текстуры (*каша бездорожья, облако – сахарная вата*).

Наиболее часто используемая гастрономическая лексика в качестве области источника – наименования хлебобулочных изделий (*сдоба, рогалик, каравай, блин*) или их частей (*краюха хлеба, мякиши, ломтик*), поскольку стоящие за ними объекты обладают универсальной формой (круг, полукруг, сфера), что делает их удобными для использования в качестве области источника для метафор небесных тел. Кроме того, в материале репрезентативны термины сладостей (*драже, карамель, вата*), поскольку у этих продуктов узнаваемые визуальные и тактильные характеристики.

Уникальные пространственно-пищевые метафоры построены на вкусовых ассоциациях, например: *соленое солнце, соленая Москва, несъедобное пюре неба, несладкая русская вата*.

Помимо акцентуации формы, цвета и состояния пространства, авторские установки могут быть связанными с намерением как создания визуального контраста взаимно расположенных пространственных объектов в терминах готовых блюд или продуктов: *Рыбные кости берез болтаются / В прозрачном бульоне неба* (Абатурова О. Апельсины // Вещь. 2023. № 28), так и подчеркивания гармонии: *И течет по звездной каше / Золотое молоко* (Федорищева Ю. Чудо // Сибирский Парнас. 2025. № 1); *В них как мед облака* (Заславская Е. *** // Крылья. 2024. № 19).

Текстилизация дефинируется нами как отождествление пространственного объекта (например, неба, дороги, моря) с предметами текстиля, одежды или материалами. Как правило, происходит иллюзия тактильной рецепции образов, становящихся более близкими для читателя. Отдельные исследования таких конструкций малочисленны. Р. Д. Керимов включает текстильные концептуальные метафоры в

более широкий круг артефактных [7, с. 97], в рамках последних они, как правило, и изучаются.

Процесс метафоризации обеспечивается поиском общих признаков между тканью и пространственным объектом. Например, небо нередко отождествляется с покрывалом, а листва / трава – с ковром в том числе из-за ориентации (небо и покрывало опционально расположены над человеком, а листва и трава – под ногами человека). Частотны визуально-параметрические уподобления (облака – вата, облака шелк, парча рощи и т. д.), онтологические (распорот небосвод, клочья облаков, помятый небосклон, неба порванная ткань и т. д.). Редки случаи акциональных сближений: ...И зайд-вест, трепеща, / **распускает морскую пряжу** (Ратников Д. *** // Дон. 2020. № 4–6); **Ветхую крышу прошила** насквозь / жгучим дремучим побегом крапива... (Коврижных В. Старая кузница // Алтай. 2020. № 2)

В качестве области источника авторами используется субстантивная лексика ткани (*шелк, бархат, парча*), предметов одежды (*рубаха, шарф, вуаль, юбка*) и глагольная, эксплицирующая действия, характерные для работы с материалом (*пропшивать, распарывать, расстилать*).

Такие тождества могут включать сакральную или ритуальную нагрузку, когда наделенный конкретной функцией предмет одежды приравнивается к пространству. Так, в примере *И море было – как Божья риза* (Мережковская-Лоза С. Сегодня море... // Белая скала. 2024. № 26) не только утверждается блеск моря, но и маркируется его символическое восприятие. В то же время в метафорах – Ты выбирайешь **гроб на вырост**, / А я хочу купить кимчи (Третьякова А. Ты мне звонишь // Российский колокол. 2022. № 3–4); заказывать **гроб на вырост** (Мамаенко А. Выбор // Южный маяк. 2021. № 2) – ироническая связь между одеждой для живого человека и вместилищем для умершего строится на идее будущего использования.

Другой необычный пример, в котором соседствуют созидательные и разрушаительные элементы, – *Окоп снарядами прошит* (Мурзина Н. *** // Российский колокол. 2023. № 3–4) – демонстрирует введение глагольной лексики соединения в военный контекст, в котором происходит языковая игра на контрасте конструктивной работы над созданием целостного изделия и деструктивной силы снарядов, что построено и на визуально-параметрическом сходстве отверстий от иглы и от снаряда.

Немногочисленную группу составляют уподобления пространства камню или металлу. Это становится возможным посредством приемов **лапидаризации** и **металлизации**, что в контексте нашего исследования означает процесс метафорического переноса, при котором топос (например, небо, море, город) ассоциируется с природным камнем, минералом, кристаллом, металлом. Для таких конструкций характерно использование субстантивной лексики, обозначающей драгоценные и полудрагоценные камни (*бриллиант, малахит, лазурит, янтарь, жемчуг, гранит, мрамор, слюда*), металлы и сплавы (*сталь, серебро, золото*). Широко используются глаголы и прилагательные, описывающие свойства материалов (*серебриться, блестеть, каленый*). Как правило, это служит целям поэтической эстетизации и сакрализации пространства. При этом в метафорах могут акцентироваться его состояния, например: время суток (*под вечер море – темный лазурит, небосвод жемчугом засияет, с восходом светлеет небесная сталь*), цикличность (*солнце – камень Сизифа*), ценность (*бриллиант России, черное золото*).

Заключение

В рамках статьи был рассмотрен механизм метафоризации по модели <пространство – объект>, благодаря чему получены следующие выводы. 1. Артефактные метафоры такого типа создаются посредством инструментализации, текстуализации и гастрономизации, натуралистичные – вегетатизации, гибридные – лапидаризации и

металлизации (поскольку это может быть уподобление природному или же обработанному человеком камню или металлу). Они обладают характерным набором языковых средств (лексика, связанная с предметами быта, тканями, едой, камнями, растениями и т. д.) и прагматическими установками (например, визуализация, символизация, эмоциональное воздействие). 2. Это служит для образной характеристики пространственного объекта посредством наложения на него предметного признака (форма, цвет, область применения), а также для акцентуации динамики и временных изменений. 3. Авторы изученных метафор часто обращаются к не соотнесенным с конкретным предметом физическим признакам (деформация, fazовое изменение, увеличение объема). Это дает им возможность усиливать символический потенциал образа и вовлекать читателя в активное сотворчество.

Список источников и литературы

1. Авраменко О. В., Юрина Е. А. Метафорическое функционирование образов хлебобулочных изделий в русском и английском языках // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 456. С. 5–15. URL: <https://doi.org/10.17223/15617793/456/1> (дата обращения: 28.11.2025).
2. Балашова Л. В. Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее. М.: Яз. слав. культуры, 2014. 496 с.
3. Баранов А. Н. Дескрипторная теория метафоры. М.: Яз. слав. культуры, 2014. 632 с.
4. Биджиева А. А. Когнитивные аспекты исследования флористической метафоры (на материале поэтических произведений первой половины XIX века) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 98. С. 122–125.
5. Бойчук А. С. Гастрономическая метафора в современном русском языке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 60. С. 75–79.
6. Зуева Т. А. Человек сквозь призму артефактной метафоры в русской идиоматике // Уральский филологический вестник. Сер.: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2016. № 2. С. 102–109.
7. Керимов Р. Д. Текстильные концептуальные метафоры в политическом дискурсе ФРГ // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23). С. 96–107.
8. Мурясов Р. З., Самигуллина А. С. К вопросу о предметной сущности метафоры, или еще раз о «метафорическом круге» // Вестник Башкирского университета. 2020. Т. 25, № 3. С. 572–576.
9. Словарь русской пищевой метафоры: в 3 т. Т. 1: Блюда и продукты питания / сост. А. В. Боровко [и др.]; ред. Е. А. Юриной. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2015. 428 с.
10. Токарева А. Л. «Paura liquida»: вещественные и предметные метафоры страха в современной итальянской литературе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 12 (880). С. 111–117.
11. Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. 527 с.
12. Холомеенко О. М., Туник А. И. Фитоморфный культурный код: средства представления в текстах современной художественной литературы // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Русская филология. 2023. № 3. С. 70–81. URL: <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2023-3-70-81> (дата обращения: 28.11.2025).
13. Цинковская Ю. В. Антропоцентрические и предметные метафоры в современной русской прозе // Гуманитарный вектор. 2010. № 2 (22). С. 155–158.
14. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.
15. Юрина Е. А., Балдова А. В. Русская пищевая метафора как объект идеографической лексикографии // Вопросы лексикографии. 2024. № 31. С. 81–104. URL: <https://doi.org/10.17223/22274200/31/5> (дата обращения: 28.11.2025).
16. Muryasov R. Z., Samigullina A. S., Dmitrieva D. Y. On Metaphoricity Grades or “Metaphorical Circle” Theory // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 6 (42). URL: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.42.12>. Publication date: 09.06.2023.

References

1. Avramenko, OV & Yurina, EA 2020, ‘Metaforicheskoye funktsionirovaniye obrazov khlebobulochnykh izdeliy v russkom i angliyskom yazykakh’ (Metaphorical Functioning of Images of Bakery Products in Russian and English), *Tomsk State University Journal*, no. 456, pp. 5–15, <https://doi.org/10.17223/15617793/456/1> (In Russ.)
2. Balashova, LV 2014, *Russkaya metafora: proshloye, nastoyashcheye, budushcheye* (Russian Metaphor: Past, Present, Future), Yazyki slavyanskoy kultury publ., Moscow. (In Russ.)
3. Baranov, AN 2014, *Deskriptornaya teoriya metafory* (The Descriptor Theory of Metaphor), Yazyki slavyanskoy kultury publ., Moscow. (In Russ.)
4. Bidzhiyeva, AA 2009, ‘Kognitivnyye aspekty issledovaniya floristicheskoy metafory (na materiale poeticheskikh proizvedeniy pervoy poloviny XIX veka)’ (Cognitive Aspects of the Study of Floristic Metaphor (Based on the Poetic Works of the First Half of the 19th Century)), *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, no. 98, pp. 122–125. (In Russ.)
5. Boychuk, AS 2011, ‘Gastronomiceskaya metafora v sovremenном russkom yazyke’ (Gastronomic Metaphor in Modern Russian), *Izvestia of Volgograd State Pedagogical University*, no. 60, pp. 75–79. (In Russ.)
6. Zuyeva, TA 2016, ‘Chelovek skvoz’ prizmu artefaktnoy metafory v russkoj idiomatike’ (Man Through the Prism of Artifact Metaphor in Russian Idiomatics), *Ural Philological Bulletin. Series: Language. System. Personality: Linguistics of Creativity*, no. 2, pp. 102–109. (In Russ.)
7. Kerimov, RD 2007, ‘Tekstil’nyye kontseptual’nyye metafory v politicheskem diskurse FRG’ (Textile Conceptual Metaphors in the Political Discourse of the Federal Republic of Germany), *Politicheskaya Linguistika*, no. 3 (23), pp. 96–107. (In Russ.)
8. Muryasov, RZ & Samigullina, AS 2020, ‘K voprosu o predmetnoy sushchnosti metafory, ili yesche raz o «metaforicheskem kruge»’ (On the Question of the Objective Essence of Metaphor, or Once Again About the “Metaphorical Circle”), *Bashkir University Herald*, vol. 25, no. 3, pp. 572–576, <https://doi.org/10.33184/bulletin-bsu-2020.3.17> (In Russ.)
9. Yurina, EA (ed.) 2015, ‘Slovar russkoy pishchevoy metafory. V 3 t. T. 1. Blyuda i produkty pitaniya’ (Dictionary of Russian Food Metaphor. In 3 vols. Vol. 1. Dishes and Food Products), Tomsk State University publ., Tomsk. (In Russ.)
10. Tokareva, AL 2023, ‘«Paura liquida»: veshchestvennyye i predmetnyye metafory strakha v sovremennoy ital’yanskoy literature’ (“Paura liquida”: Substantial and Object Metaphors of Fear in Modern Italian Literature), *MSLU Bulletin. Humanities*, no. 12 (880), pp. 111–117. (In Russ.)
11. Tolstaya, SM 2008, *Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshcheslavianskoy perspektive* (The Word Space. Lexical Semantics in a Common Slavic Perspective), Indrik publ., Moscow. (In Russ.)
12. Kholomenko, OM & Tunik, AI 2023, ‘Fitomorfnyy kul’turnyy kod: sredstva predstavleniya v tekstakh sovremennoy khudozhestvennoy literatury’ (Phytomorphous Cultural Code: Means of Representation in the Texts of Modern Fiction), *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, no. 3, pp. 70–81, <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2023-3-70-81> (In Russ.)
13. Tsinkovskaya, YV 2010, ‘Antropotsentrichnyye i predmetnyye metafory v sovremennoy russkoj proze’ (Anthropocentric and Object Metaphors in Modern Russian Prose), *Humanitarian Vector*, no. 2 (22), pp. 155–158. (In Russ.)
14. Chudinov, AP 2001, *Rossiya v metaforicheskem zerkale: Kognitivnoye issledovaniye politicheskoy metafory (1991–2000)* (Russia in a Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphor (1991–2000)), Ural State Pedagogical University publ., Yekaterinburg. (In Russ.)
15. Yurina, EA & Baldova, AV 2024, ‘Russkaya pishchevaya metafora kak ob’ekt ideograficheskoy leksikografii’ (Russian Food Metaphor as an Object of Ideographic Lexicography), *Voprosy leksikografii*, no. 31, pp. 81–104, <https://doi.org/10.17223/22274200/31/5> (In Russ.)

16. Muryasov, RZ, Samigullina, AS & Dmitrieva, DY 2023, ‘On Metaphoricity Grades or “Metaphorical Circle” Theory’, *Russian Linguistic Bulletin*, no. 6 (42), <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.42.12>.

Статья поступила в редакцию: 03.12.2025
Одобрена после рецензирования: 12.12.2025
Принята к публикации: 12.12.2025

The article was submitted: 03.12.2025
Approved after reviewing: 12.12.2025
Accepted for publication: 12.12.2025